

ТЕАТРАРИУМ

Свое последнее представление отыграл конный театр "Зингаро". И это было самое элитарное, самое эстетское и созерцательное зрелище на Чеховском фестивале. "Зингаро" со своим великолепным табуном умчался и оставил нас один на один с открытиями, восторженным недоумением и бесконечными вопросами в широко открытых глазах.

А всему виною — Бартабас, создатель, злой и добрый гений "Зингаро". Это он поставил человечество перед фактом: оказывается, из низкого, каким считают цирк, плюс животные, плюс бродяги, может произойти очень высокое искусство. Поэтому те, кто приходил в Коломенское с настроением: "Ой, Вань (мам, пап, тетя и т.д.), смотри, какие лошади!" — могли больше не беспокоиться. Увиденное от "Зингаро" таких пугает, а страх непонимания рождает неконтролируемую агрессию. Так вот, о Бартабасе. У него несколько лиц.

Перед премьерой и почти каждым спектаклем —

страшное и ужасное. Он носится на своих длинных кривоватых ногах в неизменно черных сапогах и такого же цвета рубашке с джинсами, и вся его черная фигура несет месседж: "умри все живое!". Он элитит оттого, что ему кажется: все не так он. И никак не может взять в толк, что стареющиеся и живущие его идеями артисты и технари никак им быть не могут: он — один.

Во время спектакля

Бартабас великолепен. Его последний спектакль — "Кони ветра", где и кони, и ветер Тибета, и одиночество целого народа. Да, он придумал спектакль о Тибете, вполне отдавая себе отчет в том, что тибетские проблемы для русского человека так же далеки, как мистическая Шамбала от Коломенского. Поэтому под грубым брезентовым шалито он развел тонкую, прозрачную живопись. Как в тумане, одна картина наплывает на другую. Они прозрачны, наполнены стоячим напряженным звуком монашеской молитвы, а если разобраться, состоят из конкретных, вполне осязаемых вещей: костюмов красно-синих-золотых, многоголовых масок в оскале, лошадей. Но отчего-то вся эта грубая плоть оставляет ощущение эфемерности, как судьба Тибета. То же ведь вроде и есть страна, а вроде как уже и нет.

Лошади жмутся друг к другу плотными телами и медленно, как будто хаотично движутся по манежу. И трудно сказать, кто кого погоняет: созерцательная музыка — тугие тела коней или кони ритмизируют молитву? И вдруг гуси — белая стая бестолковой птицы всполошенно бежит за наездницей в белом. Почему гуси? А почему Тибет? А почему у погонщицы ослика — зеленые накладные груди?

Это не недоумение — это паралич от непредсказуемости художника. А Бартабас непредсказуем. Он во всей этой живописно организованной конной стихии как отшельник со своей религией. Его отстраненное существование в этом мире не в си-

лах изменить ничто — ни костюмы, ни породы лошадей, которые он меняет, ни тем более на скорости мимо скачущие воины в страшных масках. Бритый, сосредоточенный, с опущенной на грудь головой и слушающий свое сердце, он возникает в этом хаотичном мире и исчезает под одинокое ржание коня.

Нет, "Кони ветра" — это не только про Тибет. Это Бартабас сделал про себя-художника. Хотя это слово он старается не произносить.

КЕНТАВРА
ЗОВУТ

БАРТАБАС

Завтра
начинается
сегодня

Бартабас после спектакля —

это готовая иллюстрация к фильму "Барышня и хулиган". Впрочем, конкретной барышни рядом нет, но ведет он себя как отпетый хулиган. На официальные приемы приходит "руки в брюки". Выступая согласно протоколу, раскачивается у микрофона и тяготится пафосностью обстановки. За столом сидит, вытянув ноги и запустив руки в карманы. Наверное, если бы ему пришлось получать Нобелевскую премию в королевском дворце, он бы только и думал о том, как бы избавиться от проклятого смокинга, обязательного как для королей, так и для лошадиников.

Его стихия — степь, простор с посвистом ветра, бычьего в горизонт.

Этот суровый мужчина сентиментален, как ребенок, который умрет, но не покажет слез даже перед лицом страшного наказания. На один день, когда вся страна рвалась в Петербург на торжества, он тихо отъехал в Царское Село на кладбище... русских лошадей. Когда наступил день отъезда "Зингаро", он долго ходил по набережной Коломенского и грустно смотрел всплывающему паровозу, на котором остались две недели жизни — его и трупы.

Бартабас сейчас в полете. Не в транспортном средстве, а в том смысле, что для него нет остановок и уж тем более возврата на самые удачные круги своей художественной жизни. Кажется, раз и навсегда он закрыл для себя дорогу туда, где был оглушительный успех прежних спектаклей — "Химеры", "Эклипс", — гарантирующий безумные деньги. Он несет на своих длинных, чуть кривоватых ногах туда, где ничего никому не известно и нет никаких гарантий. Чтобы вскочить в шикарное седло от "Гермеса" под великолепным конем и...

Да просто он устроен как лошадь — у него нет репертуарной памяти. Играет то, что сочинил сегодня. А завтра... В том-то весь и фокус, что завтра у Бартабаса начинается сегодня. Именно сегодня он открывает законы, по которым искусство будет жить в будущем.

Кто он? Ясно, что не Клеман Марти, каким был наречен родителями от рождения. Он даже не мсье Бартабас, как к нему обращаются многие. Он — Кентавр, взявший себе имя Бартабас, слитое из двух человеческих пороков — табака и бара с выпивкой. Хотя пристрастен только к первому, а вот тут Кентавр слаб, как человек.

Из досье "МК".

Для лошадей театра "Зингаро" обязательны:

— идеальный внешний вид, уход;

— ежедневная смена опилок в конюшне;

— в ежедневном рационе лошади: сено, мытая отборная морковь, овес уплощенный, ячмень уплощенный, отруби и оздоровительная диетическая смесь;

— прическа у каждой лошади индивидуальная: от скромных косичек до перекрестного плетения гривы на одну сторону;

— при перевозках в грузовиках или на самолетах лошадей никогда не погоняют кнутом и уж тем более не наказывают. Их выгуливают до тех пор, пока лошадь сама не пойдет в бокс;

— состарившихся лошадей отправляют на заслуженный отдых в бывшую королевскую резиденцию — Версаль. Для этого Бартабас выиграл конкурс министерства культуры Франции у военных на право в бывших королевских конюшнях основать Академию верховой езды.

Исключение составил только конь по кличке Барышников.

Его взяли служить в полицию.

Марина РАЙКИНА.
Фото Владимира ЛУПОВСКОГО.